

Анастасия Вертинская ПОДГОТОВИЛА К ПЕЧАТИ МЕМУАРЫ СВОЕЙ МАТЕРИ. До этого она издала книгу воспоминаний отца.

Маст. новости

03-09 сентября
2004 года

0 26-27

СУДЬБА

Владимир
ЧЕРКАСОВ-ГЕОРГИЕВСКИЙ

Анастасия Вертинская не только хранит благодарную память о своей замечательной семье, но и делает все, чтобы сохранить ее в истории. Скоро в издательстве «Вагриус» при ее участии выйдут мемуары матери — художницы и актрисы, самой красивой женщины своего времени. Фрагменты из нее будут опубликованы в ближайших номерах «МН», а сегодня дочь рассказывает о том, какая это великая сила — происхождение.

— С каким чувством вы перечитываете книги ваших родителей сегодня?

— Благодарности. Время все-таки не определяется тем, что за стеной. Оно определяется тем, кто папа, кто мама. Я родилась в прекрасной семье. У меня был великий отец, он очень много мне дал. Он был уникальным человеком. Добрым, невероятно широким, любил детей, никогда не бывал мелочным. А еще был очень скромным. Эти два понятия — талантливый и скромный — тогда еще были вместе. Теперь, конечно, врозь.

Отец обожал собирать вокруг себя компании. Наш дом всегда был полон гостей, бабушка готовила много вкусной еды. Нас с сестрой выгоняли, чтобы мы долго не сидели за столом: мол, нечего вам это слушать. Но мы все равно подсматривали в замочную скважину. Это такой кадр моего детства — видеть отца в замочную скважину во главе блестящего застолья и вслушиваться в каждый его рассказ.

Отец никогда нас с сестрой не воспитывал. Никогда не спрашивал, что у нас в дневниках. Но уж если бабушка и мама начинали на меня жаловаться, он, грассируя, говорил: «Я тебя умоляю, догадая, чтобы ты вела себя чуточку получше». И когда я чувствовала, что меня умоляют, я думала: конечно, я помогу тебе, папа. Им был найден удивительный язык для общения с детьми. Он, например, говорил: «Я очень стгадаю, когда знаю, что вы шалите». Вот чтобы он не страдал, я из последних сил держала в руках свой «жуткий» характер... Отец очень здорово читал нам сказки, особенно Андерсена. Он испытывал ту же сердобольность к бедным людям. И в его исполнении эти сказки были чем-то большим, чем просто литература... А приезжая с гастролей, он нам рассказывал невероятные истории, например, о том, как к нему в гримерную зашел кот и спрашивал про его песни. Кот, как правило, был не сытно живший, а ободранный, матерый, с подобранным глазом.

— Именно отец повлиял на вас сильнее всех?

— Конечно. Отец был настоящим аристократом и, как настоящий аристократ, не гнушался никакой черной работы. Каждое утро он подметал пол, шел в Елисейский магазин по соседству с нашим домом на Тверской, покупал что-то, готовил завтрак. Невероятно тяжело существовал на гастролях, но всегда знал, что вечером выйдет на сцену — и все забудется. Ради этого он жил. В нем не было никакого барства. Он говорил про себя: «Я — рабочая лошадка». То же самое я могу сказать о себе. Отец пел, пел, пел, как машина, ни от чего не отказывался. Как будто был сильно виноват за годы эмиграции перед родиной, как будто хотел замолить какой-то грех.

Каждый приезд отца домой был колоссальный праздник. И естественно, в те несколько дней, которые он проводил дома, никто не собирался его огорчать ни нашими с Марианной двойками, ни нашим поведением. Хотя он знал, что я училась

СПИНОЙ К НЕВЫГОДНОЙ МИЗАНСЦЕНЕ

на «два». И веселел, потому что сам так же учился. Двойки у меня были по всем предметам, кроме пения. По чтению, например, я получала пару, потому что у папы была огромная библиотека, и я все время просиживала за его книгами, не успевая за школьной программой. К тому же школьницей я начала сниматься в своем первом фильме «Алые паруса», совсем отстала и ушла в школу рабочей молодежи. А там было просто: ты давала автограф на своей фотографии, и тебе в дневнике соответственно тоже ставили автограф. Бабушка была потрясена: для нее пойти в ШРМ было равносильно тому, чтобы пойти на панель. Зато в Театральном училище имени Щукина я получила диплом с отличием.

Впрочем, в раннем детстве я хотела стать балериной Улановой. Но меня не приняли. Сказали: «Хотите, Александр Николаевич, мы ее по благу возьмем. Но ничего хорошего ее не ожидает. Она у вас будет крупной девочкой». «Крупная девочка» — это было как диагноз. Потом я хотела быть хирургом. Дело в том, что я люблю копать... Во всем. И мне казалось, что хирург — это та самая профессия, когда разрезают и долго копаются... И еще хотела стать Зоей Космодемьянской. У меня есть некоторые ее черты. Например, если меня просят о чем-то не рассказывать, я никогда не говорю. В детстве ходила такая гордая, что я что-то знаю, а никто не знает. Но я с пятнадцати лет актриса, с шестнадцати стою на сцене, и всегда была фанатом этой профессии. Для меня моя профессия была доктором от всех болезней. Все, что со мной случалось в личной жизни, я, как на алтарь, несла в искусство. Оно меня выручало, спасало, помогало.

— Когда вы почувствовали себя

профессиональной киноактрисой?

— Отсчет пребыванию на экране веду с фильма «Гамлет», а не со своих первых двух картин — «Алые паруса» и «Человек-амфибия», которые отношу к периоду бессознательного творчества. Люблю весь свой классический репертуар — «Войну и мир», «Анну Каренину», а также «Случай с Польшинным» по Симонову, «Безымянную звезду». Последняя крупная кинороль — это Маргарита в «Мастере и Маргарите» режиссера Юрия Кары, где играют русские звезды: Гафт — Воланда, Ульянов — Понтия Пилата, Виктор Раков — Мастера, Филиппенко — Коровьева, Павлов — Бегемота. В образе Маргариты мне близка ее жертвенность. Бывают роли, которые хочется трактовать по-своему, а эту роль не хотелось. Вопрос: «Почему фильм не вышел?» — к Михаилу Афанасьевичу Булгакову... Мессир, как теперь видим, не выносит ни фильмов, ни театральных постановок, которых удачно пока никому не удалось сделать.

Ну а самая последняя моя небольшая работа в кино — атаманша разбойников в фильме «Бременские музыканты», где выступил режиссером актер Александр Абдулов. Работа доставила мне большое удовольствие, и теперь все узнали, какие мы бяки и буки.

— С театром ваши взаимоотношения складывались сложнее. Отчего это происходило?

— В театре «Современник», где я начинала, я была совершенно не востребована со своей внешностью. Мне давали такие роли... В «Провинциальных анекдотах» Вампилова я играла девочку с рюкзаком... Мне нужно было себя переделывать, ломать не только внешне, но и внут-

ренне. Это неправда, что у актера безграничное амплуа. Конечно, бывают гении, как Смоктуновский, который мог играть и дурака, который угоняет машины, и Гамлета. Но я не гений, поэтому мне пришлось по крупицам все завоевывать. Хотя я уже была известна как киноактриса. Но в этом театре никто на это не обращал внимания. Они сами там были известные, снимались в кино.

«Современник» был театром социальным. Им-то я, что называется «чистой героиней», никогда не была нужна. Это были мои университеты, потому что я проходила там сложнейшую школу выживания. Я ведь можно сказать, баклуши была в училище, как все, радовалась четверем, а не пяти годам обучения. По-настоящему я мастерством-то не занималась.

В «Современнике» мне Ефремов дал роль Нины Заречной в «Чайке». Но я совершенно не была готова к четвертому, самому сложному, акту. Моей молодости и обаяния хватало на первые три, все же ждали четвертого. Потому что «Чайка» — это не просто сказка про Белоснежку и семь гномов, а сложнейшая история жизни. Тогда я не соответствовала по своей биографии биографии образа. «Современник» — жестокий театр, где для меня не было никаких привилегий. И я очень благодарна той атмосфере. Не будь ее, будь в «Современнике» хоть какая-то инкубаторность, неизвестно, что бы из меня вышло. Правда, я никогда не была слабой. Я знала, что выживу, у меня не было ни тени сомнения, что преодолю препятствия.

Потом был МХАТ. Я люблю мою роль Андреевны в «Дяде Ване», роль Нины Заречной в «Тартюфе», который был поставлен Эфросом. Я считала Эфроса гением. Эфрос умер.

Больше, по-моему, гениев нет... Когда началась перестройка, закончилась эпоха великих режиссеров. В тот момент меня развернуло и катапультировало от театра. Это ведь невероятное наслаждение — работать с талантливым режиссером, ради этого только и живешь. Мне не хочется говорить дурных слов про наш театр. Дай Бог ему жизни, но это как бы... бег на месте. Собственно говоря, во имя чего? Если во имя зарплаты, то те деньги, которые в театре платили и теперь платят, — это не деньги. Во имя коллектива? Единственная идея, на которой нас воспитывали, была идея коллектива. Но театр — это не коллектив, это ложное понятие. Спектакль — коллектив, да, но жить с этим коллективом всю жизнь, приходить на их собрания, решать их дела, которые на самом деле все решаются другим путем... Это же рутина!

У Чехова дядя Ваня, обвиняя Серебрякова, говорит: «Не жил я, не жил!» Эту фразу я могла сказать так же громко, как дядя Ваня. Я так фанатически любила театр, шла ради него на все жертвы, допустимые и недопустимые. Судя по всему, перестаралась. Сейчас уже, с возрастом, мне не кажется, что быть только артисткой хорошо. Наступил век, когда можно реализовать себя во всем, и это замечательно, поэтому вот с этим криком на манер дяди Вани: «Я еще не жила!» — и иду дальше.

— Была ли у вас подготовлена другая профессиональная «площадка»?

— После ухода из театра у меня не было ни контракта во Франции, ни приглашения в Оксфорд, я была совершенно лишена реальной перспективы — и все равно эту свободу ощутила как новую жизнь. И выпал Оксфорд, потом мы стали с Ка-